

МИХАИЛ СЕРЕГИН

СПЕЦНАЗ **МЧС**

*Спасти и
выжить!*

ТРЕВОЖНАЯ ГРУППА

Михаил Георгиевич Серегин

Тревожная группа

Серия «МЧС»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=440555
Тревожная группа: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-45224-8

Аннотация

Спасатели, как ни странно, иногда нуждаются в том, чтобы их самих спасли. В дружном и сплоченном отряде МЧС зреет ЧП. Дело в том, что одна из сотрудниц – спасатель Ольга – безоглядно влюбилась, но коллеги считают, что Ольгин избранник – аферист, вымогающий деньги у обманутых им женщин. Ольга наотрез отказывается слушать любые доводы друзей, и тогда они начинают добывать доказательства. Вскоре выясняется, что в районе действительно действует известный милиции альфонс...

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

57

Михаил Серегин

Тревожная группа

* * *

Когда умерла бабушка Валя, Оля Синицкая была на стажировке в Краснодаре. По нелепой случайности, которая бывает у каждого человека хоть раз в жизни, Оля забыла свой мобильный телефон в общежитии. Телефон Центра переподготовки и повышения квалификации МЧС родители не знали, поэтому они связались с начальством дочери и попросили сообщить ей о несчастье. Но девушка с друзьями после занятий отправилась на берег моря отмечать день рождения коллеги и вернулась лишь в два часа ночи. Это была вторая нелепая случайность. Короче, на похороны она опоздала.

Бабушка умерла скоропостижно. Никто не ждал этого – баба Валя была крепкой и энергичной старушкой. Оля несколько раз предлагала пожить у нее, но баба Валя категорически отказывалась – мол, что ты будешь со старухой нянчиться, тебе веселиться надо, с парнями гулять до рассвета.

То, что бабушка завещала квартиру Оле, все узнали только месяц спустя. На семейном совете Синицких было твердо и большинством голосов решено, что Оле нужно начинать учиться жить самостоятельно. Поэтому она должна пе-

реехать в бабушкину квартиру, сама вести домашнее хозяйство и приучаться жить своим умом. Втайне от жены отец признался Ольге, что идея принадлежит ему. Потому что с девушкой, у которой есть собственная квартира и которая живет одна, ухажеры будут вести себя смелее, не оглядываясь на именитых родителей-врачей. Например, этот большой серьезный спасатель Боря, который к ней явно неравнодушен. Не успеешь оглянуться, как закончится третий десяток, и тогда она вообще не выйдет замуж.

Когда отец заговорил про Борю Мостового, старшего ее бригады МЧС, Ольга усмехнулась, но вида не подала. Могучий и немногословный Боря, хороший и решительный командир, инженер, как говорится, от бога, был с Синицкой крайне нерешителен. О том, что он за ней ухаживает, догадаться мог только человек, который знал Борю как облупленного. Например, Игорь Чистяков, спасатель из их бригады и бывший альпинист. Наверное, Ольга и Игорю нравилась, но мужская дружба для него была превыше всего.

Ольга сидела на старинном кожаном диване в бабушкиной, а теперь уже в ее собственной квартире и грустила. Ее взгляд скользил по занавесочкам, салфеточкам и слоникам, которыми изобиловала квартира. Странно, что все осталось как было – а бабушки уже нет. И никогда не будет. Наверное, в том, что Ольга не успела на похороны и не видела бабушку мертвой, был какой-то особенный смысл. Для нее бабушка Валя не умерла, а просто ушла навсегда. Это сознавать

было легче, но все равно тоскливо. Не было даже желания сменить старомодную обстановку в квартире; поменять обои – и то казалось каким-то кощунством. Здравый смысл подсказывал, что это все придется рано или поздно сделать. Но только не сейчас, пока память о бабушке так свежа.

Друзья ввалились без приглашения и с большим шумом. Чистяков сразу же что-то уронил в маленькой прихожей, и это что-то покатилося по полу. Мостовой прогудел неодобрительно, но добродушно по поводу кривых рук человека, который непонятно каким образом стал альпинистом.

– Оля, спасай! – жизнерадостно потребовал Игорь, возникший в комнате с тремя пакетами в руках и подталкиваемый в спину громадными Бориными кулаками. – Он меня с самого утра терроризирует! Я из-за него персики там рассыпал.

– Ты на звонки не отвечаешь, – пояснил Мостовой, вволакивая в комнату следом за Игорем большую сумку, в которой что-то подозрительно позвякивало. – Мы к тебе заехали, хотели на природу позвать, а предки говорят, что ты теперь самостоятельная, одна живешь, в отдельной квартире.

Синицкая нахмурилась из-за бесцеремонности друзей. Чистяков всегда был парнем бесцеремонным, и Мостовой шел у него на поводу. С кем поведешься и так далее. Сегодня Ольге очень захотелось побыть одной, посидеть, попривыкнуть к новому образу жизни, как-то примириться с тем, что

бабушки больше нет, что остались только воспоминания и ее незримая аура во всем, что есть в доме. С этим всем нужно как-то примириться, найти какое-то внутреннее согласие, какое-то душевное равновесие.

– Мы предлагаем никуда в таком случае не ехать и отменяем свое приглашение, – суетился Чистяков, выкладывая на скатерть кульки и пакеты с фруктами и другой снедью для пикников.

– Куда ты все валишь прямо на скатерть! – неожиданно для себя раздраженно воскликнула Ольга.

– Интересная постановка проблемы, – пробормотал удивленный Чистяков и уставился на созданную им на столе кучу. – Вопрос – и в нем сразу же ответ. «Куда» – «на скатерть». Иностранцу, если бы он был между нами, перевести такое сочетание было бы довольно сложно.

– Оль, что с тобой? – пробасил Мостовой, который сразу уловил настроение девушки. – Мы, может, не вовремя?

– Да нет, ничего, – спохватилась девушка. – Просто Игорь стал валить на чистую скатерть немытые фрукты, вот я и возмутилась.

– Еще интереснее, – обрадованно заключил Игорь, поняв, что обстановка накаляться не будет. – «Да», «нет» и «ничего». Вот это ответ в три слова! Опять же, как такое понять иностранцу?

– Ладно, угомонись, – посоветовал Мостовой, – что ты заладил про этих иностранцев.

Чистяков проводил взглядом Ольгу, которая достала из серванта большое блюдо и вазу и ушла на кухню. Он сгреб свои пакеты и потащил их следом, отвечая другу через плечо:

– А у нас в городе две международные команды готовятся к восхождению на Эверест. В альплагере ни одного русского слова не услышишь. Все пытаются щеголять знанием английского.

– А ты чего же там не щеголяешь? – поинтересовалась Ольга, начиная мыть принесенные друзьями фрукты. – Там наверняка много девушек.

– А он хитрый, – ответил за друга Мостовой. – Сейчас ему блеснуть на фоне этих джонов и гансов нечем. Он подождет. А вот когда они начнут на первой же стенке руки и ноги ломать, вот тут он блеснет по полной программе. Ему уже предлагали в виде калыма подежурить завтра и послезавтра у горноспасателей.

– А что, есть предпосылки? – удивилась Ольга. – Или интуиция старого альпиниста подсказывает?

– Она, родимая, – скромно потупившись, ответил Игорь. – Там новичков больше половины, а гонору перед нашими девчонками хоть отбавляй. Вот и начнется бравада, лихачество и нарушение правил безопасности. Это я вам гарантирую!

– А у самого-то у тебя! – рассмеялась Ольга, стараясь скрыть свою грусть. – Никогда не забуду, как ты страшилки рассказывал девицам у костра, когда мы в прошлом году

парня с аппендицитом эвакуировали. Дай тебе волю...

– Дай ему денег, – поправил Мостовой, – и он откроет на склоне отель «У погибшего альпиниста» с большим мозаичным панно на фасаде и ликом покойного...

Борис тут же осекся, поняв, что шутка была неуместной, особенно по поводу лика покойного. Ольга нахмурилась, но промолчала. Чистяков за ее спиной красноречиво покрутил пальцем у своего виска.

– Ты бутылки-то в холодильник выставляй, – бодрым голосом посоветовал он смутившемуся другу. – Пиво же греется. А теплое белое вино – вообще нонсенс.

Синицкая закончила мыть фрукты, уложила их в большое эмалированное блюдо с красными цветами на дне и в широкую хрустальную вазу. Удовлетворенно осмотрев получившийся натюрморт, она поинтересовалась:

– А по какому поводу мы гуляем?

– По поводу отгулов, конечно, – пробасил Боря. – Ну и квартиру твою обмыть не мешало бы...

– Боря! – почти истерично крикнула Ольга и выбежала из комнаты.

Мостовой недоуменно посмотрел на Чистякова.

– Чего она?

– Борь, ты соображай маленько. Обмывают покойников. Ты пойми, какие у нее сейчас прежде всего ассоциации возникают.

Мостовой махнул рукой и бросился в комнату. Игорь по-

чесал в затылке и решил, что идти следом не стоит. Пусть Боря сам реабилитируется. Выбрав самый большой и спелый персик, Чистяков уселся напротив окна и впился зубами в душистую мякоть. По подбородку сразу обильно потекло и закапало на стол. Чистяков в ужасе подскочил и кинулся искать тряпку.

Минут через десять Мостовой успокоил Синицкую. За-столье протекало вяло, хотя друзья и старались придать меро-приятию солидную долю беззаботности и веселья. Вспо-минали забавные случаи, Чистяков травил байки, которых он знал несметное количество. Светло-соломенного цвета «Цинандали» с прекрасным плодовым букетом, с мягким и тонким вкусом под чистяковские байки шло просто отлично. Как тонкий ценитель, Игорь предложил обойтись без «Аха-шени» и «Киндзмараули». Он повернулся и извлек из сумки бутылку темно-гранатового «Саперави». По его мнению, после «Цинандали» можно пить только такое вино со своеоб-разным гармоничным вкусом, терпким и богатым букетом.

Порассуждав о достоинствах красных вин, Чистяков ре-шил блеснуть кавказским тостом:

– К одному старому аксакалу пришел молодой юноша. Он сказал, что хочет стать настоящим джигитом, но не знает, как доказать это. Тогда старый аксакал предложил юноше взобраться на стоящее поблизости старое большое дерево, на вершине которого птица свила себе гнездо. Если юноша сможет взобраться на дерево так, чтобы ни одна веточка, ни

один листик не шелохнулись, вытащить из-под птицы яйцо так, чтобы птица этого не заметила, не испугалась и не улетела, и спуститься на землю так, чтобы ни одна веточка, ни один листик не шелохнулись, тогда он может смело называть себя настоящим джигитом.

– Про альпинистов, что ли, тост? – хихикнула Ольга.

– Не, из анналов МЧС история, – поправил ее Мостовой.

– Не сбивайте, – замахал руками порядком захмелевший Чистяков и продолжил тост: – Полез юноша на дерево...

– И упал, – добавил Мостовой.

Чистяков смерил друга презрительным взглядом, но мужественно продолжил рассказ:

– ...взобрался он на самую вершину, и ни одна веточка, ни один листик не шелохнулись. Вытащил из-под птицы яйцо, но птица заметила, испугалась и улетела. Стал юноша спускаться с дерева...

– И упал, – снова вставил Борис.

Чистяков с наслаждением пнул друга под столом ногой.

– Спустился он так, что ни одна веточка, ни один листик не шелохнулись. Старый аксакал говорит ему, что рано еще называться юноше джигитом. Он сам, хоть и стар, но сможет все это проделать лучше. Снял старый аксакал свой дорогой серебряный наборный пояс со старинным кинжалом, украшенным дорогими камнями, сложил на земле и полез на дерево.

При этих словах Чистяков на всякий случай показал Мо-

стовому кулак, но тот воздержался от шуток.

– Забрался старый аксакал на самую вершину так, что ни одна веточка, ни один листик не шелохнулись, вытащил из-под птицы яйцо так, что птица ничего не заметила и не упала... тьфу, Борька! – возмутился Чистяков под смех друзей. – Из-за тебя все! Не улетела! Спустился он на землю так, что ни одна веточка, ни один листик не шелохнулись. А под деревом ни юноши, ни серебряного наборного пояса, ни дорогого старинного кинжала. Так выпьем же за современную молодежь!

Друзья совсем развеселились, и им казалось, что Ольгу оставили грустные мысли и хандра. Но на этот раз глупость сморозил уже Чистяков. Он до того вошел в роль тамады, что перешел на личности присутствующих и брякнул экспромтом тост об Ольге, которая теперь обзавелась отдельной квартирой, и это поможет ей устроить личную жизнь. Без всяких намеков он сам готов сделать ей предложение, но кодекс чести не позволяет этого, ибо... что «ибо», он придумать не смог. Чистяков просто хлопнул Борю по плечу и многозначительно подмигнул.

– Я чувствую, что вам обоим эта квартира покоя не дает! – вскочила Ольга из-за стола. – Что-то я не слышала намеков, когда бабушка была жива. Вы бесцеремонные черствые чурбаны, оба! У вас только одно на уме – невеста с квартирой! А что у человека на душе, вам наплевать, ухажеры хреновы. Вина они мне принесли, фруктов... Вы себе его принесли, а

девушкам, между прочим, носят цветы!

Неудачные попытки Чистякова все свести к шутке, что они и сами, мол, как два бутона, привели к тому, что Ольга разрыдалась, велела уродам выметаться и убежала в ванную. Мостовой кинулся было следом и стал, осторожно постукивая в дверь, пытаться объясниться. Но в ответ сквозь шум льющейся воды слышался только плач.

Потоптавшись около двери, немного протрезвевшие, но так ничего и не понявшие в поведении Ольги, друзья понуро двинулись к выходу.

Ливень с грозой, прошедшие ночью в горах, вспучили реку, превратив искрящийся на солнце поток чистейшей стремительной реки в мутное бурлящее и клокочущее месиво. Сошедший вместе с массами дождевой воды селевый поток ударил в опоры автомобильного моста под утро. Одна опора не выдержала. Раскрошившийся цемент обнажил ржавые кости арматур, и опора выглядела как полуразложившийся труп с вывернутыми гниющими внутренностями.

То, что пока еще никто не пострадал, было просто чудом. В это время суток движение по шоссе через мост было очень интенсивным. На серпантине скопилось около двух десятков машин. Со стороны города подъезды к поврежденному сооружению уже оцепила милиция. Самым страшным зрелищем был ярко-оранжевый «пазик», который стоял задними колесами на перекрытии моста, лобовой частью кузова,

наклонившись над пятиметровым обрывом, упирался в разрушенное дорожное полотно. За растрескавшимся лобовым стеклом виднелся большой яркий квадрат знака «дети».

Когда бригада получила утром сообщение о разрушении моста, их машина находилась не более чем в километре от места. С визгом затормозив на скорости километров в восемьдесят, Мостовой заглушил двигатель и бросился к мосту. Он сразу оценил шаткое положение автобуса.

– Больше никто не пострадал, – поспешно стал объяснять подбежавший лейтенант ДПС, – да и этим чудом повезло. Будь машина чуть поменьше, точно бы в поток рухнула.

– Почему он двери не открывает, там же, по-моему, люди? – проводив взглядом убежавшего на мост Чистякова, спросил Борис.

– Там человек десять детей и воспитательница из летнего лагеря. Они ехали отвозить постельное белье в прачечную. Это я выяснил.

– Выяснил, выяснил! – зло прервал Мостовой. – С приводом у него что-то случилось, патрубки перебило, вот двери и не открываются. Давай, лейтенант, пошевеливайся! Найди срочно автокран тонн на десять-двадцать!

Мостовой оставил лейтенанта и бросился к Чистякову, который уже крутился около автобуса. Сзади спешила Синицкая со своим неизменным чемоданчиком средств первой необходимости.

– Чувствуешь, как вторая опора ходуном ходит? – сквозь

зубы проговорил Чистяков, глядя под ноги.

– Конечно, связка между опорами потеряна! – проворчал Мостовой. – Не дай бог, и вторая не выдержит.

– Ты, кажется, говорил, что у нас строят с троекратным запасом прочности?

– Строят! Этому мосту лет тридцать. Да еще плотность потока раз в пять выше, чем плотность воды. Представляешь степень динамических ударов по опорам?

– Опаньки! – кивнул Чистяков. – Тогда я побежал за фалами, а ты с тетей пообщайся!

За растрескавшимся лобовым стеклом «пазика» мелькала женская фигура, которая отчаянно жестикулировала. Автобус мотало из стороны в сторону. Передняя часть капота противно скрежетала металлом по бетону и обрывкам арматуры. На глазах спасателей с треском разлетелась левая фара. Даже сквозь грохот грязного потока под ногами был слышен детский плач и крики в салоне автобуса.

– Стоять! – прикрикнул Мостовой на друга. – Забыл правило «МЧС»? Сначала «М», а потом «Ч».

Чистяков чуть не брякнул старую шутку – а уж потом «С», но, глянув на Ольгу, сдержался. Шутка зародилась еще пару лет назад, когда в бригаду к Мостовому и Чистякову назначили врача Ольгу Синицкую. Тогда в отряде седьмую бригаду стали звать истинной бригадой МЧС, намекая на аббревиатуру из первых букв фамилий – Мостовой, Чистяков, Синицкая. Игорь тогда был склонен к философствованию и

всех уверял, что это Промысел божий, который неизбежно ниспошлет удачу славной команде. Сейчас шутить на эту тему не стоило. После недавнего, так неудачно закончившегося их с Борей похода в гости к Ольге, когда они крепко поссорились, отношения с девушкой продолжали быть натянутыми. Парни изо всех сил старались исправить положение, но Синицкая была с ними холодна, как горный снег.

– Что решил? – уже серьезно спросил Борис.

– Перекинуть фал на ту сторону, закрепить. А потом переправить меня с болгаркой. Я заднюю дверь вскрою и выведу детей.

– С болгаркой долго. Возьми отжим, так будет быстрее. Двери, в принципе, можно будет и руками раздвинуть, но с инструментом проще.

Отжимом называли специальный стальной инструмент, который представлял собой как бы кусачки-болторезы, но наоборот. Та же система двойного рычага, которая повышала в добрый десяток раз усилие человека, только рабочие губы инструмента при этом не сжимались, а разжимались. Это было изобретение Мостового, которое ему сделали на одном из заводов на заказ. Правда, Чистяков подозревал, что Боря где-то эту игрушку все же подглядел, а не родил своим мозгом инженера. Поэтому он и отмахивался от предложений Игоря запатентовать инструмент.

Пока Чистяков бегал за снаряжением, Мостовой подозревал милицейского сержанта с той стороны моста и велел ему по-

догнать и поставить позади и правее автобуса свой «уазик». За его бампер он намеревался зацепить фал Игоря. Но Чистяков сообразил и то, что не успел сообразить Борис. Он подогнал их служебную «Газель» и поставил ее в пяти метрах, не доезжая разрушенного участка моста. Мостовой ругнулся вполголоса и погрозил Игорю кулаком.

– Сдай назад метра на два, чудило! Рухнет опора, и все полетит вниз!

– Не бойсь, Боря! – крикнул в ответ Чистяков, привязывая конец фала к буксировочному кольцу на бампере «Газели». Подбежав с мотком толстого капронового фала, он с одобрением увидел сержанта с его «уазиком» на той стороне. – Все организовано, я смотрю.

– Дай сюда, ты не докинешь, – проворчал Боря, забирая у Игоря моток веревки с титановым раскладным крюком на конце.

Раскрутив веревку с крюком, Мостовой запустил ее на ту сторону. Сержант в момент, когда ему надо было ловить веревку, шарахнулся назад. Толчок в разрушенную опору был таким сильным, что нос автобуса просел сразу сантиметров на пятьдесят. Внутри закричали дети.

– Твою мать! – заорал Мостовой своим зычным голосом, перекричав рев потока. – Что скачешь там, как девка на смотринах! Стой и лови!

Со второй попытки милиционер все же поймал веревку и поволок ее крепить за бампер. Чистяков, застегивая на гру-

ди страховку, с сожалением понял, что фал придется резать или он будет совсем потерян, когда мост – не дай бог, конечно – рухнет. Сержант вязал фал на бампере своего «уазика» простым двойным бабьим узлом. Восемьдесят килограммов веса Чистякова затянут его так, что потом уже ничем не развяжешь. Плюс сейчас машинами его натягивать придется.

На той стороне наконец нашлись не очень слабонервные люди. В хвост колонне машин пристроилась пыльная фура с саратовскими номерами. Водитель, лохматый здоровенный мужик, и его молодой напарник в полосатой майке подошли к группе шоферов. Выяснив, что там случилось, и внимательно посмотрев на торчащий зад автобуса, дальнобойщики стали что-то кричать и махать руками. Наконец, молодой бросился к кабине, откуда-то вытащил монтировку и устремился бегом вместе с напарником на мост. Лейтенантик попытался задержать дальнобойщиков, но те даже не стали с ним разговаривать.

Когда Чистяков закрепил свой фал и подошел к самому краю разрушенного моста, то через заднее разбитое стекло из автобуса уже подавали детей. Наконец-то там нашлись люди с соображением, удовлетворенно подумал Чистяков. Первыми вытащили плачущих детей, у которых, судя по всему, были переломы и другие повреждения. Спасатель представлял, что творилось в салоне в момент аварии, когда на сидевших в передней части салона во время толчка повалились и тюки с бельем, и сиденья задних кресел. Через это месиво

воспитательница их сейчас как-то умудрялась подавать шоферам. А вот с самим водителем автобуса, кажется, проблемы, решил Чистяков, скользнувший по фалу на противоположную сторону моста.

До бушующего под ногами потока было метров пять, но грязные брызги и пена долетали даже сюда. Скользя по веревке, Чистяков с ужасом понял, что полуразрушенная бетонная опора, с которой свисал автобус, держится на честном слове. Рухни она сейчас, и в воду полетит и сам спасатель, и «пазик», и милицейский «уазик».

Лейтенант мужественно встретил Чистякова и помог ему взобраться на вздрагивающие от ударов стихии остатки моста.

– Все? – быстро спросил Игорь милиционера, провожая взглядом группу детей, часть из которых мужики уносили подальше от моста на руках.

– Водитель там остался. Кажется, ранен.

Чистяков без дальнейших рассуждений бросился к задней части автобуса, кинул теперь уже не нужный инструмент и, подтянувшись на руках, забросил свое тело в салон автобуса через заднее разбитое стекло. Теперь, находясь внутри, он до конца понял тот страх, который испытали дети и их воспитательница. Пол находился под углом градусов в тридцать. Через баррикаду из сорвавшихся со своих мест мягких сидений задних кресел и узлов с бельем пробираться пришлось ползком в щель под самым потолком. Как их тут совсем не

покалечило, подумал спасатель.

Водитель был без сознания. Он бессильно свесил руки и навалился грудью на руль. Толстое оргстекло, отделявшее отсек водителя от салона, выдержало, лишь треснув в нескольких местах. Это было хорошо, потому что у Чистякова было место для маневра.

Первым делом спасатель, подтянувшись руками на поручнях под потолком, двумя ударами обеих ног одновременно выбил остатки лобового стекла. Тут же перед ним показалась раскачивающаяся вместе с мостом физиономия Мостового.

– Как он?

– Дышит, – ответил Чистяков, приложив пальцы к шее водителя автобуса. – Только у него кровь изо рта идет. Боюсь, что проломлена грудная клетка и пробиты легкие.

Борис лег на живот и просунул голову в салон.

– Подавай мне его прямо отсюда, – предложил он Чистякову.

– Борька! Исчезни! Если автобус еще немного просядет, то тебя как масло напополам разрежет.

– А ты пошевеливайся! – заорал Мостовой. – С такими повреждениями у пострадавшего каждая секунда на счету.

– Боря, – умоляюще попросил Игорь. – Давай, но только не так. Я на него сейчас свою страховку надену и с сиденья стащу. А ты за ремни его и вытянешь, хорошо?

Мостовой ругнулся и исчез. Игорь стал быстро снимать страховочную обвязку и прилаживать ее под мышками у ра-

неного водителя. Стащив тело с сиденья, он перевернул его на спину и стал подталкивать к лобовому оконному проему. Появилась здоровенная рука Мостового, ухватила за ремни и одним движением вытянула раненого на мост. Чистяков ухватился за поручни и собрался ногами вперед выбросить свое тело следом. Но в этот момент автобус шевельнулся, как живой, и со страшным скрежетом, сминая, как бумагу, переднюю часть крыши, пополз вниз.

Чистякова как будто обдало холодным душем, когда он представил, что с ним было бы, успеет ли он бросить свое тело вперед. Кишки бы точно сейчас висели на арматуре. И только потом он испугался, что автобус вот-вот рухнет в бушующий грязный поток. Кувыркать его и тащить по камням будет так, что нечего и думать выбраться. Скорее всего, просто завалит содержимым салона, а потом задушит ворвавшейся внутрь через разбитые окна грязной жижей.

Спасатель оглянулся назад и оценил ситуацию как весьма хреновую. Вся куча хлама сползла вперед во время последнего толчка. Если сейчас броситься через нее, то запутаешься и будешь скользить, как по осыпающемуся под тобой бархану. Плевать! Чистяков оперся одной рукой о руль автобуса, другой – о металлическую трубку каркаса ограждения водительской зоны и ударил ногами в стекло. Что водительскую дверь заклинило, он нисколько не сомневался и не стал терять времени на подтверждение. Он со второго раза выбил стекло и еще тремя ударами сломал и вывернул наружу стой-

ку форточки. Теперь он мог, в принципе, попытаться просунуть свое тело наружу.

Развернувшись, Чистяков полез теперь уже головой вперед. Автобус под ним беспрестанно шевелился и ерзал, причем сразу в двух плоскостях. Страшный скрежет рвущегося металла не заглушался даже грохотом потока, доносящегося снизу. Высунувшись из окна автобуса по пояс и опершись рукой о кронштейн бокового зеркала, Чистяков сразу же увидел качавшуюся чуть в стороне веревочную петлю. Молодец Боря, похвалил Чистяков мысленно друга, не забыл, как вязать скользящий узел.

Теперь спасателю оставалось только просунуть в петлю одно плечо и голову, а потом уже не страшно и повиснуть. Борис наверху увидел, что Игорь достаточно выбрался из автобуса, и пододвинул петлю ближе. Рывок оказался достаточно сильным, чтобы выдернуть тело спасателя из кабины. Если бы он не успел пролезть в петлю, то наверняка полетел бы во взбесившуюся реку. Петля больно врезалась под плечо. Если бы не плотная куртка спасателя, то кожу содрало бы напрочь.

Чистякова дважды ударило о борт автобуса, прежде чем веревка поползла вверх и потянула его. Спасатель поднял голову – прямо перед ним хищно ошетинились рваными изломами перекрученные шипы стальных арматурин. «Тихо, Боря», – тихо приговаривал Чистяков, перебирая руками по раскрошившемуся бетону.

Через несколько секунд удалось ухватиться за прутья и найти опору ногам. Мостовой сверху держал веревку в натянутом состоянии, давая возможность Игорю преодолеть опасный участок излома бетонных конструкций. «Неужели он меня один держит, бугаина?» Чистяков поднял голову и увидел на самом краю ноги Мостового. Судя по тому, как у него была перекинута через плечо веревка, сзади страховал кто-то еще. Наверное, ребята подъехали.

Наконец, под руками ощутился и край дорожного полотна. Чистяков уперся руками, но внизу почувствовался треск разрываемой ткани – все-таки он зацепился штанами за железку. Спасатель опустил глаза вниз с намерением освободить ногу без особого ущерба для штанов. И в этот момент полуразрушенная опора не выдержала грязевого напора. За спиной послышался такой грохот, что Чистяков непроизвольно втянул голову в плечи. Автобус, зацепившийся рваным металлом кабины за целую часть моста, не повалился на бок, а пополз своей задней частью на Чистякова. Спасатель решил плюнуть на штаны и рывком втянуть свое тело на мост.

Все произошло в какие-то секунды. Впервые Чистяков ощутил то, что в книгах обычно рисуют как ледяное дыхание смерти. В ситуацию, до такой степени безнадежную, он попал впервые. Мысль, которая мелькнула у него в голове, была короткая, как выстрел, – «конец». Фал, натянутый над бездной для его же переправки на ту сторону и закреплен-

ный на бамперах «Газели» спасателей и милицейского «уазика» на той стороне, вдруг пополз на него, чуть ли не звеня, как струна. Это ползущий на него автобус надавил своей многотонной массой на фал. Еще секунда, и «пазик» стянет в реку и милицейскую машину, и спасательскую. А еще он смахнет с моста Чистякова, который застрял на самой кромке, и никто его не удержит.

«Вот так из-за идиотов и гибнут хорошие люди, – успел подумать Игорь с сожалением. – Если бы на той стороне был человек умнее или находчивее, то он не стал бы вязать узлы. Порвись же, веревка! Ты рассчитана на вес трех-четырёх человек, ну, может быть, пяти. А «уазик»-то весит больше полутора тонн. Порвись!»

То, что произошло дальше, было настолько невероятно, что у Чистякова исчезли из головы все остальные мысли. Верный могучий друг Боря уперся спиной в натянутый как струна фал. Его ноги скользили по бетону, лицо налилось кровью. Он пытался остановить сползание фала на Чистякова, не понимая, что не сможет удержать тонны веса. Борьба длилась секунду или две, и капроновый фал не выдержал.

Мостовой грохнулся на спину и покатился по бетону. Фал, сверкнув в воздухе, как гигантский хлыст, безжизненно повис, оборвавшись где-то сзади, за спиной Чистякова. Спасатель, обдирая колени и кожу на руках, разрывая в клочья материал штанов об арматуру, как обезьяна, влез на дорожное полотно и откатился от края. На него обрушились клубы пы-

ли, фонтаны грязи и воды. А рядом уже топали ноги в черных форменных берцах.

Пытавшегося встать на ноги Чистякова тащили к машинам, он отбивался, пытаясь оглянуться на Мостового. Наконец, его отпустили. Боря, прихрамывая и морщась, шел к нему живой и здоровый. Игорь опустился обессиленно на бетон.

– Ох, и устал я тебя все время спасать, – мотая головой и заходясь в кашле, прохрипел Боря. – Все время ты за что-то норовишь зацепиться.

– Борь, – не слушая друга, спросил Игорь, – ты в самом деле намеревался удержать спиной автобус на веревке?

– Да, моя спина это надолго запомнит! А что было делать? Я же видел, что тебя вот-вот размажет.

Через несколько минут друзья сидели перед Ольгой – один без штанов, другой без куртки и футболки – и шипели, когда Синицкая обрабатывала им ссадины. Переглянувшись и подмигнув друг другу, они решили сделать еще одну попытку, воспользовавшись ситуацией.

– Оля, мы сегодня герои! – похвалился Чистяков. – Ты нами гордишься?

– Пусть Родина вами гордится, – буркнула Синицкая.

– Значит, ты нас еще не любишь, Оль?

– Терпеть вас, дураков, не могу!

Было ясно, что Ольга на них дулась, но уже не очень. Всю смену она вообще не разговаривала с ними, отделяясь слу-

жебными фразами. А теперь она хоть обзывать стала. Прогресс!

Встретившись вечером, помятые и угрюмые спасатели стали думать, как им мириться с Ольгой. Чистяков окончательно запутался в вариантах и предложениях. Ничего путного в голову не лезло.

– Кончай нести эту бредятину, – предложил Мостовой, – и давай лучше поступим, как Оля намекнула. Просто и надежно.

– Когда намекнула? – не понял Игорь.

– Тогда! – веско ответил Боря. – Помнишь, она нас попрекнула, что при серьезных намерениях к девушкам ходят с цветами, а не с вином и фруктами?

– А мы что, с серьезными намерениями к ней тогда приходили? – попытался пошутить Игорь, но, посмотрев в лицо друга, решил не продолжать.

То, что Боря был влюблен в Ольгу, но как-то по-своему, тихо и ненавязчиво, Игорь знал. Наверное, догадывалась и Ольга, но так за ней не ухаживал никто. Игорь считал, что нужно быть активнее, тогда Мостовой будет конкурентоспособен. Синицкой более активных ухажеров хватало, но своего выбора она почему-то еще не сделала. Обсуждать этот вопрос Боря категорически отказывался, и между друзьями он считался как бы табу.

– Ну, хочешь, я поднатужусь и сочиню ей стихи, – предложил Игорь.

Он закатил глаза, театрально раскинул руки и разразился экспромтом:

*«МЧ» без «С» как день без солнца,
Без звезд на небе и луны.
Тарам-тарам-тарам-тарам-там,
Тобою будем спасены!*

– Смотри не пукни от натуги, Есенин, – буркнул без улыбки Мостовой.

– Ну, это еще все сыро, – серьезно махнул рукой Чистяков, – но если доработать...

– Ага, конечно, – согласился Боря. – Сыровато. День без солнца и луны.

– Без звезд на небе и луны! – поправил друга Игорь, но тут до него дошло, и он смутился. – Хотя, конечно, день – это все-таки день. Но в остальном, по-моему, не очень уж и плохо.

– Особенно в части тарам-тарам! Брось ты дурака валять, Игорек.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – легко согласился Чистяков. – Завтра у нас получка, скинемся и принесем ей огромный шикарный букет. Ты на этом настаиваешь?

– По крайней мере, это уже серьезнее.

– Давай не ждать завтра, – загорелся Игорь, – давай сегодня это устроим. Берусь занять под получку деньжат. Поехали?

Букет потянул на восемь с половиной тысяч. И это еще со скидкой за большую покупку. Грубо говоря, в салоне его собрали из четырех свадебных букетов. На переднее сиденье он не поместился, и Боря уселся в такси на заднее, нежно держа в своих огромных руках это чудо примирения. Чистяков несколько раз оглядывался и окидывал букет оценивающим взглядом.

– Это кому ж такой везете? – добродушно поинтересовался водитель такси. – Свататься, что ли, едете?

– Это букет другу, – суровым голосом заметил Чистяков.

Таксист поперхнулся и от дальнейших вопросов воздержался. До Чистякова двусмысленность фразы не дошла, потому что он продумывал текст самого примирения. Не молча же они войдут к Ольге. Обязательно нужен продуманный текст. Пусть и в прозе.

У подъезда Мостовой остановился и повернулся к другу.

– Знаешь, Игорек, а давай я один пойду.

Чистяков кивнул, дурашливо перекрестил Бориса и толкнул в сторону двери подъезда. Уходить Игорь не стал. Он вполне рассчитывал на два варианта развития событий. Первый, если Борю примут, то он долго не выйдет. По его лицу было понятно, что он чуть ли не в любви был готов сегодня признаваться. Второй вариант предполагал, по мнению Чистякова, не меньше, как букет в морду через полуоткрытую дверь. Это означало, что Боря спустится почти сразу и

ему очень понадобится друг. Предполагая развитие событий по второму варианту, Чистяков уселся на крутящиеся качели детской площадки у подъезда. Отталкиваясь ногой и крутя карусель, он стал намурлыкивать строки песни из фильма «Собака на сене» с Боярским в главной роли – «любовь, любовь, зачем ты мучаешь меня».

То, что Мостовой появился на улице быстро, было понятно, а вот то, что без букета, – не укладывалось в сценарии.

– Ее дома нет, – пояснил Мостовой, опускаясь рядом с Игорем на детскую карусель. Карусель скрипнула, и Боря поспешно вскочил на ноги. – Я решил у дверей его оставить. Придет, увидит, и все поймет.

– Ничего она не поймет! – убежденно и с долей обреченности в голосе заверил Чистяков. – Раз до сих пор ничего не поняла, то сейчас точно не поймет.

– Все она понимает, – задумчиво возразил Мостовой. – И сейчас поймет. Ты езжай-ка домой, а я тут посижу. Может, дождусь.

Посмотрев на друга с сожалением, Чистяков молча удалился. Провалившись остаток вечера с книгой на диване и с трудом удержавшись, чтобы не позвонить Боре на мобильный, он наконец завалился спать.

Утром Игорь опять решил не тревожить друга и направился за получкой. Деньги, занятые вчера вечером, он клятвенно обещал вернуть ребятам именно сегодня. Уже выходя на улицу, Чистяков увидел медленно бредущего к зданию

спасотряда Мостового. Судя по его внешнему виду, результат был однозначный. В пользу противника.

– Борька! Ну? – потребовал Чистяков, нутром чуя, что никаких «ну» не произошло.

– Она дома не ночевала, – с нехорошим равнодушием ответил Мостовой.

– Постой-постой, – сразу решил вмешаться Чистяков и развеять предчувствия. – Она могла у родителей заночевать. Девушка в растрепанных чувствах, не хотелось оставаться одной и все такое.

– Она с парнем уходила. Мне соседка сказала.

– Как с парнем? – опешил Чистяков от неожиданности, с трудом борясь с отвисшей челюстью. – Ну-ка поподробнее с этого места!

– А чего подробнее. Вышла соседка, усмехнулась, сказала, что ухажеры к девушке сегодня что-то зачастили. Сказала, что за ней зашел парень, она нарядилась и подалась с ним.

– Боря, это несерьезно, – как можно убедительнее заявил Чистяков. – Боря, это она назло нам. Нет у нее никого, кроме нас, Боря! – И добавил безнадежным голосом: – Она нас любит...

Следующее дежурство показало, что в отношениях внутри бригады ничего не изменилось. Как будто и не было страшно большого и страшно красивого букета у дверей Синицкой. «Или не поверила, что мы на такое способны, –

мрачно думал Чистяков, – или у нее в ухажерах еще такие чудики, как и мы с Борькой».

День выдался не очень хлопотным. Большой частью седьмая бригада сидела в комнате отдыха. Ольга демонстративно не отрывалась от книжки и только изредка поглядывала на часы. Один раз, уже после обеда, у нее зазвонил мобильный. Девушка сразу же вышла из комнаты; с кем она разговаривала, было не ясно. Правда, вернулась она быстро и так же спокойно уселась читать свой дешевый женский детектив.

Под утро седьмая бригада возвращалась с одной аварии и сразу же получила задание разворачиваться на другую. Ничего страшного не случилось, просто пьяный водитель на крутой «Тойоте» не вписался в поворот и протаранил кирпичный забор завода резервуарных металлоконструкций.

Пока колупались с дверками и выпутывали водителя из подушек безопасности, которые, честно говоря, спасли ему жизнь, Ольга умудрилась убедиться, что водитель цел, только находится без сознания: то ли от сотрясения мозга, то ли от выпитого алкоголя. Вытащив сопливого парня из машины, его положили на складные носилки, и Сеницкая стала пытаться приводить его в сознание. В половине девятого, когда начали собираться зеваки, выяснилось, что «Скорая помощь» запаздывает. Дежурный потребовал, что если жизни пострадавшего ничего не угрожает, то пусть бригада побудет с ним до приезда «Скорой».

Сеницкая, убедившись, что сердце у пострадавшего пар-

ня работает уверенно и внутренних повреждений, скорее всего, нет, начала заметно нервничать. Чистяков решил, что это из-за парня, и стал ее успокаивать. Мол, ничего ему не грозит, мы все, что от нас зависело, сделали, и не стоит так нервничать. Однако то, что Оля нервничает не из-за пострадавшего, выяснилось почти сразу. Снова зазвонил ее телефон, и снова Синицкая отошла в сторону от ребят. Правда, ветер дул как раз от нее, и друзья прекрасно слышали, что она разговаривает с каким-то Эдиком и сообщает, что задерживается на работе. Поэтому, как стало ясно, встреча переносится на более позднее время.

Чистяков виновато посмотрел на Мостового и развел руками.

– Видишь, как бывает, – проворчал он. – Упустили мы ее. А имя-то какое дурацкое – Эдик! Как в анекдоте. Помнишь, звонок в дверь, слон открывает, а там никого. Он закрывает. Снова звонок, он открывает, а там снова никого. Наконец на третий раз слон увидел, что на дверном звонке комар сидит. Тебе, говорит, чего? Слониха дома? Нет. Тогда передай, что Эдик заходил.

Мостовой посмотрел на Игоря и, к его большому удивлению, отреагировал.

– Это ты прав, Игорек, имя в самом деле дурацкое. Не встречал я еще приличных людей с именем Эдик. Как и с именем Артурчик, впрочем.

– Борька! – неожиданно Чистяков вспылал новой иде-

ей. — А давай выследим этого Эдика и отметелим его по первое число. Как говаривал старик Хазанов, двадцать восьмого начнем, первого закончим.

— Нет, Игорек, кулак в данном вопросе — это не аргумент.

— Твой-то? — с усмешкой посмотрел на кулаки Мостового Чистяков. — Твой-то как раз очень весомый аргумент. Убийственный.

Игорь, будучи натурой неугомонной, неунывающей и деятельной, согласился с другом не во всем. Боря Мостовой принимал решения основательно, взвешенно и по возможности с прогнозируемым результатом. Игорь же больше надеялся на интуицию и вдохновение. Если ты не знаешь, зачем следить за человеком, считал он, то это не значит, что следить не надо. Наоборот, в процессе слежки как раз и может возникнуть просветление в мозгу, новая идея или ответ на старые вопросы. Иными словами, он исповедовал старинный тезис — «война план покажет». Ему было скучно следовать правилу, гласившему, что, когда не знаешь, что делать, то не делай ничего. Наоборот, считал Чистяков, делай что угодно, только не мирись с положением, проблемой. Бороться нужно до конца, даже когда борьба уже кажется бессмысленной. Для Чистякова борьба не являлась бессмысленной ни при каких обстоятельствах, он боролся ради борьбы, как некогда великий мушкетер Портос дрался для того, чтобы драться.

Чтобы не травмировать друга и не нарываться на ссору

с ним, Чистяков взялся за дело в большой тайне и, как всегда, без всякого намека на тщательную подготовку. Приняв решение, он сунул в карман сигареты и пошел к дому Синецкой. Было позднее утро на следующий день после смены. Оля могла быть дома, а могла уже уйти, если вообще собиралась куда-нибудь. Как раз в этот момент у нее в гостях мог быть и пресловутый Эдик; кстати, мог он там быть и с вечера. Как это ни неприятно сознавать.

Почему именно ему это неприятно сознавать, Чистяков не знал и разобраться не пытался. Синецкая ему, конечно, нравилась, но Игорь понимал, что Ольга относилась к нему без должного уважения, хотя полагала, что с Чистяковым в компании веселее. Игорь мирился с тем, что он точно герой не ее романа, и на большее не претендовал. Чистяков убеждал себя в том, что, не рассматривая Ольгу Синецкую как объект своих любовных походов, он старается для друга Бори, которому Ольга точно нравится. Но, судя по тому, как его резанула по сердцу мысль, что Ольга могла провести эту ночь в постели с другим мужчиной, симпатии к ней у него самого были все же велики. Представить Синецкую в постели с Мостовым он просто не мог, а в своей – боялся.

Что ж, начинаем дежурить, решил Чистяков и уселся в сторонке на лавке, чтобы видеть всех, кто входил или выходил из Ольгиного подъезда.

– Здорово, Борис! – слышался за спиной зычный бар-

хатистый голос.

Мостовой оглянулся и увидел капитана в милицейской форме. Фамилию его он забыл, помнил только, что зовут капитана Василием и служит он здесь, в Пятигорске, командиром роты ППС. В прошлом году, когда большие силы спасателей бросили на место крушения двух железнодорожных составов, в помощь направили и местных пэпээсников. Для оцепления и другой посильной помощи. Тогда, помнится, капитан помогал очень толково.

– Здорово, Вася, – протянул Мостовой свою лапищу, которая утонула в лапище капитана. Тот нисколько не уступал своими габаритами спасателю.

– Ты чего в наших краях? На воды потянуло, полечиться?

– Командировка, – махнул рукой Мостовой. – Новое оборудование получаю для нашего спасотряда.

– Хорошо в вашем ведомстве это поставлено, – с некоторой завистью порадовался капитан. – Всегда у вас все самое лучшее и самое новое.

– Переходи к нам, – посоветовал Мостовой, – и ты вкусишь от щедрот нашего руководства.

– Нет уж, я подожду, когда Шойгу назначат министром внутренних дел, – отшутился капитан.

– Да ты че! – поддержал шутку Мостовой. – Слух, что ли, прошел?

– Ага, сейчас! Дурак будет тот президент, который его отпустит. Ты заметил, что ваш Шойгу – единственный из ми-

нистров, кто сохранил свой пост при всех сменах правительства?

– Ну, еще бы спасатели этого не заметили, – рассмеялся Мостовой.

– То-то же. Слушай, пошли ко мне. Я тебя домашним кваском напою.

Мостовой глянул на часы. Времени у него была часа три свободных точно.

– Пошли, – согласился он. – Если кроме кваса у тебя еще и кондиционер в кабинете есть.

– Пошли-пошли, – рассмеялся капитан, – есть и кондиционер, и многое другое. Не только вы, спасатели, живете в двадцать первом веке и купаетесь в его благах.

Квас был хороший. Он не был резко кислым, а имел мягкий, чуть терпкий вкус. Потягивая квас из больших пивных стаканов, которые капитан извлек из стола, болтали о ситуации в стране и здесь, на Кавказе. Капитан стал рассказывать о дочерях, которые отправились в детский летний лагерь. Перешли к трагедии на мосту, где бригада Мостового отличилась, спасая водителя автобуса.

– А это у тебя что за красавцы? – лениво поинтересовался разомлевший в прохладе кабинета Мостовой, кивая на стену, где ровным рядочком расположились фотороботы разыскиваемых преступников.

– Клиенты, – пояснил капитан. – Эти трое разыскиваются за разбой, эти квартирные воры, а вот этот аферист по ма-

шинам-иномаркам. Кстати, у нас тут несколько случаев забавных было. Опера с катушек съезжали, а поделать ничего не могли. Представляешь, один тип лет тридцати знакомится с девушкой или молодой женщиной, дружит с ней, любовь разводит, а потом раз – и квартиру обчищает. Она заявление писать. Все свидетели в один голос опознают в человеке, которого видели в подъезде в это время, ее любовничка-альфонса. А у него стопроцентное алиби, он с ней в это время или в ресторане был, или на экскурсии. Второй случай – один в один. И, самое главное, опять этот же парень. И опять стопроцентное алиби. Потом третий случай. Главное... – и предъявить ему нечего.

– Чего удивительного, – пожал плечами Мостовой. – Она же его и выгораживает. Сначала заявление написала, а потом узнала, что это он, и пожалела. Одно слово – альфонс.

– Все бы так просто! – усмехнулся капитан. – Кроме нее и другие свидетели были, что с ней его точно видели. Причем между собой не знакомые. Вот номер. И в подъезде свидетели, и по алиби свидетели. Его потом замначальника по оперативной работе к себе в кабинет затащил и поговорил по душам. Или, говорит, убираешься из города в двадцать четыре часа, или я для тебя особую статью найду, чтобы без свидетелей. Ну, он внял и быстренько смылся. Не представляешь, какое облегчение наступило!

– Бывает, – лениво согласился Мостовой. Потом добавил с какой-то хмурой ноткой: – Бабы, они иногда такими дурами

бывают...

Капитан с сожалением посмотрел на спасателя. Видать, тоже хлебнул Борис этого дела! Но расспрашивать у настоящих мужчин как-то не принято, если собеседник сам не начнет. Мостовой не начал.

Чистяков с энтузиазмом бросился помогать разгружать прибывший из Пятигорска «Урал» и с неменьшим энтузиазмом одновременно пытался рассказать о своих приключениях за эти два дня. Совмещать два дела получалось плохо. Игорь у всех мешался под ногами и через слово переходил на шепот, чтобы никто не услышал его повествования. Мостовой наконец не выдержал и потребовал, чтобы Чистяков потерпел часок со своими рассказами.

Вообще-то Борису хотелось узнать подробности, до которых Чистяков докопался. Борис очень надеялся, что они будут обнадеживающими. Вдруг там у Ольги ничего серьезно нет. Или что Эдик – это ее двоюродный брат. Хотя Чистяков мог при его способностях докопаться и до интимных отношений Ольги и Эдуарда. Причем и с фотографиями. Мучительно это было сознавать, но жизнь есть жизнь.

Наконец с оприходованием прибывшего груза было покончено, и Мостовой вышел на улицу, где на лавке его ждал Чистяков с самым смиренным видом.

– Ну, что там? – неопределенно спросил Мостовой, усаживаясь рядом с другом и закуривая.

– А то! – со значением ответил Чистяков. – То, что зря ты был против слезки. Хорошая качественная слезка еще никому вреда не приносила. К твоему сведению, скрытное наружное наблюдение – основа основ деятельности любой спецслужбы. Не нами и не сейчас изобретено!

– Хватит трепаться. Есть что рассказать – рассказывай, а то я устал что-то. Хочется домой, под душ и на боковую.

– Ну, слушай, – торопливо заговорил Чистяков, боясь, что Боря в любой момент пошлет его со слезкой куда подальше и отправится домой. – Встречаются они каждый день. В основном вечером. Ольга выходит и отправляется к месту randevu. Они встречаются и идут куда-нибудь: в кафешку, в кино, в ночной клуб. Представляешь, этот паразит ее так по-хозяйски при встрече обнимает, в височек целует и под ручку ведет.

– А она? – вдруг спросил Борис.

– Она? В каком смысле?

– Он ее обнимает и целует при встрече, а она ему отвечает?

– Как тебе сказать, – задумчиво пробормотал Чистяков.

– Как есть, так и говори! – проворчал Мостовой. – Либо она ему при встрече на шею кидается, либо нет.

– Ну-у... нет, не кидается. Скорее всего, это выглядит так, будто она ему разрешает. Сама ни разу не целовала, это точно. Они вообще не целовались, я не видел такого.

– Ладно-ладно, завелся! Успокаиваешь, что ли? – с сар-

казмом спросил Мостовой. – Рассказывай дальше, если все так же интересно.

– А все! – с улыбкой признался Чистяков. – Что еще-то?

– Не знаю, ты у нас в сыщиков играешь. Дома он у Ольги, например, был?

– Был один раз, – сокрушенно признался Чистяков. – И довольно долго. Но в тот день, правда, дождь был на улице.

– Понятно. Его-то ты хоть разглядел? Что он из себя представляет?

– Знаешь, Боря, я его за эти дни ни разу в лицо не видел, – признался Чистяков и стал поспешно оправдываться: – Я ведь близко не подхожу, чтобы Ольга меня, грешным делом, не заметила. А этот тип, как назло, сразу ее куда-нибудь ведет, где близко не подойдешь. И, как специально, лицо прячет, вроде понимает, что я слежу за ними.

– Это уже твои фантазии, которыми ты пытаешься оправдать свою никчемность как сыщика, – презрительно сказал Мостовой. – Несколько дней следить за человеком и ни разу не взглянуть ему в лицо. Потрясающе! Он, видите ли, лицо прячет. Может, он американский шпион?

– Я тебе отвечаю! – с жаром стал оправдываться Чистяков. – Как будто специально он лицо прячет.

Убедить друга в своей правоте Чистяков так и не смог. И только когда они расстались, он стал понимать, что оправдывался интуитивно, но фактически так все и было на самом деле. Окончательно Игорь осознал, что Эдуард ведет себя

так, словно боится встретиться с кем-то из знакомых, только после разговора с Борисом. Сформулировалась у него эта мысль. И первая же причина, которая родилась среди предположений, была о женатом положении Ольгиного ухажера. Игорь не стал звонить Мостовому по телефону, боясь, что разбудит его, если Боря в самом деле завалился спать после командировки. Он решил оставить свое умозаключение пока при себе, а другу изложить его завтра, когда они заступят на дежурство.

День начался как обычно. Мостовой молчал, Синицкая уткнулась в книгу, только один Чистяков пытался всех развлечь и разрядить обстановку затянувшейся ссоры. Какой-то выход, по его мнению, быть должен. Не могут же такие отношения продолжаться вечно. Если Ольга так смертельно на них обиделась, то здравый смысл подсказывал вариант о переводе в другую бригаду. Но таких попыток она не делала. Значит... Что это значит, Чистяков понять никак не мог.

Мостовой тоже думал на эту тему. Для него все было очевидно. Ольга не собиралась мириться, пока парни сами не сделают первого шага. Это было очень в ее характере, тем более что виновником ссоры была не она. А теперь еще все ее мысли заняты этим романом с Эдуардом, век бы его не видеть. Игорек вон один пытается что-то изменить, но и у него ничего не получается, потому что начал он не с того конца. А с какого нужно начинать, Мостовой и сам не знал.

Тем не менее только Чистяков понял, что в отношении-

ях бригады что-то начало меняться. Понял именно сегодня. Странно и уже непривычно, что Сеницкая стала реагировать на его, Чистякова, шутки и замечания. Игорь сразу же насторожился, боясь спугнуть забрезживший свет примирения. Пусть, решил он, все идет постепенно.

Понял ли Мостовой, что отношения восстанавливаются, Чистяков не знал, а намекнуть было некогда. То один вызов, то другой. Остаться наедине с Борей не удавалось. Чистяков опять лазил на деревья за котятками, в канализационные люки за собаками, спускался на балконы и лоджии квартир, хозяйка которых забыли дома ключи и захлопнули двери.

Под конец смены в «Газели» бригады полетел бензонасос. Черт его знает, почему он вдруг перестал качать бензин. То ли время пришло, то ли это было знаком свыше. Борис связался с дежурным и вызвал аварийку. Вместо аварийки в начале десятого ему привезли бензонасос. Ругаясь, Мостовой полез под капот машины.

Чистяков обратил внимание, что Ольга начала нервничать и поглядывать на часы. «Самое время, – решил Игорь, – проверить ее отношение к нам и задать вопрос». Но потом он передумал, решив не торопить события. Наконец первой не выдержала Сеницкая.

– Игорь, а это надолго? – поинтересовалась девушка с самым невинным видом. – Заменить бензонасос.

– Не знаю, я в «Газелях» не менял. Спроси Борьку, – схитрил и посоветовал Игорь.

Синицкая без тени сомнений и как ни в чем не бывало подошла к открытому капоту, откуда торчала широкая спина Мостового.

– Борь, а ты долго его будешь менять? – спросила она спину.

– Минут десять, – ответил Боря.

Если его и удивило, что Ольга начала общаться по собственной инициативе, то вида он не подал. Скорее всего, понял, что Ольгу поджигает время и ей нужно принимать решение. Как выяснилось, он не ошибся. Правда, у Чистякова на этот счет было немного другое мнение, но пока он промолчал. Тем более что следовало постараться услышать, о чем Ольга будет сейчас говорить по телефону, за которым она уже полезла в карман.

– Привет, – сказала Синицкая в трубку.

Она помолчала немного с лицом, которое не выражало никаких особенных эмоций. Наверное, выслушивала ответные приветствия и сообщения о том, как этот гад соскучился по ней.

– Я немного не успеваю, – продолжила Ольга.

Дальше пошел немного странный разговор. Ольге явно ответили в том смысле, что ничего, моя радость, я готов ждать тебя целую вечность, потому что она засмеялась. Потом Ольга предложила встретиться по причине ее опоздания не там, где, наверное, они собирались встретиться, а около универсама «Меркурий». Ольга стала уточнять, что проще всего

прямо у главного входа, чтобы не искать друг друга. Но тут у Эдуарда (а это был наверняка он) обнаружилось небольшое дело, которое он должен срочно сделать. И это дело уводило место встречи немного в сторону от главного входа. «Вот гад, – подумал со злорадством Чистяков, – точно не любит он с ней встречаться в людных местах». Потом Ольга сказала, что успеет, потому что они поедут все равно мимо и она попросит ребят, чтобы они сделали небольшой крюк и высадили ее у места их встречи. Затем Чистяков, продолжая вслушиваться в разговор, понял, что парень-то снова изменил условия встречи – не иначе, когда узнал, что спасатели из бригады Ольги могут его увидеть. Ольга удивилась немного, но согласилась.

Хлопнула крышка капота, и появился Мостовой, вытиравший руки ветошью. Он деловито залез в кабину и завел мотор. Удовлетворенно прислушался и, видимо, остался доволен.

– Борь, подбрось меня до «Меркурия», – попросила Синицкая.

Мостовой отреагировал спокойно, только пожал плечами:

– Хорошо.

Чистяков хотел специально сесть не в середину, а с краю, чтобы, когда он будет выпускать Синицкую, у него было время осмотреться по сторонам. Но хитрый ход не получился. Ольга подтолкнула его к двери, и он послушно полез в кабину первым.

Всю дорогу бригада молчала. Мостовой думал о своем, Ольга – о своем, а Чистяков – об общем. Он подбирал доводы для своей теории. И этими доводами он собирался сразить Борю наповал и подтолкнуть того к более активным действиям.

Наконец, Мостовой остановил машину около универмага, Синицкая со словами «спасибо, мальчики» выпорхнула на тротуар и пошла куда-то назад вдоль витрин. Это Чистяков расценил как еще один хитрый, заранее предусмотренный ход Эдуарда.

– Ты понял? – с торжеством спросил он.

– Чего непонятного, – ответил Мостовой. – Кому угодно надоест дуться до бесконечности. А ей к тому же нужно было попросить, чтобы мы подвезли ее. Вот все непонятки.

– А я ведь совсем не о том, Боря! – с хитрым прищуром заметил Чистяков. – Я о блестящем подтверждении моего умозаключения, о котором ты вчера так пренебрежительно отозвался.

– О чем это ты? – рассеянно спросил Мостовой, думая о чем-то своем.

– О том, что этот пресловутый Эдик не любит людных мест по одной простой причине: он не хочет, чтобы его видели с Ольгой.

– Зачем это ему? – с прежней рассеянностью спросил Мостовой.

– Мало ли! – усмехнулся Чистяков. – Пусть не американ-

ский шпион, как ты легкомысленно пошутил, но причина быть должна. И самая простая из них в том, что он, к примеру, женат.

– Высосано из пальца, – прокомментировал Мостовой.

– Нет, Боря. Посуди сам, я за ними слежу несколько дней, а в лицо его так и не видел. А все потому, что он ее или сразу в такси толкает, или ведет темными улицами и проходными дворами, где, согласишься, следить трудно, тем более подойти так близко, чтобы в лицо взглянуть. Но это еще не все. Недавний ее разговор по телефону с ним же подтвердил все мною изложенное.

– Ты можешь короче говорить, словоблуд?

– Я бы попросил... – начал было возмущенно Чистяков, но Борис так красноречиво сплюнул, что Игорь решил изменить тон. – Она ему звонит и говорит, что задерживается на работе. Они куда-то собирались и где-то должны были встретиться. В связи с этим она предлагает встретиться позже и в другом месте. Это не вызвало возражений. Она предложила встретиться у «Меркурия», и это не вызвало возражений у Эдуарда. А вот когда она предложила встретиться непосредственно у главного входа, он пошел на попятную. Это, Боря, было очень заметно, даже Ольга удивилась. Этот тип сразу же вспомнил о каком-то маленьком деле, которое не позволяет ему встретиться с ней у входа, и он предложил другое место. Ольга согласилась, и все у них заканчивалось хорошо, но тут наша подруга брякнула неосторожно, что ребята из

бригады, то есть мы, подбросят ее до «Меркурия». Что делает этот темный тип? Он опять придумывает причину, чтобы изменить место встречи. Резюме? По-моему, все очевидно. Он не хочет лишний раз бывать с ней в оживленных местах. Он не хочет, чтобы мы его увидели, потому что можем знать об их отношениях. Ну как? Я силен?

– Практически атлант, – усмехнулся без энтузиазма Мостовой. – Гений отечественного сыска.

– А без дешевого, унижающего мое самолюбие сарказма?

– Ладно, – невесело рассмеялся Мостовой, заворачивая во двор спасотряда, – согласен. Хотя это все могут быть лишь совпадения.

Чистяков еще некоторое время продолжал распинаться по поводу бедности фантазии и отсутствия воображения у друга. Он понимал, что может сейчас нарваться на раздражение своей болтовней, но продолжал дурачиться, чтобы хоть как-то поднять Боре настроение. И только когда они вышли из душа и стали переодеваться возле своих шкафчиков, Мостовой вдруг сел на лавку и внимательно уставился на Чистякова.

– Ты чего? – Игорь сделал вид, что испугался, и пощелкал пальцами перед лицом друга. – Бо-ря-я! Очнись!

– Между прочим, Игорек, ты в чем-то прав, – проговорил Мостовой, не обращая внимания на манипуляции Чистякова.

– Ни фиги себе! В чем-то! Я во всем прав, только ты долго

это осознаешь.

– В Пятигорске, – продолжал Мостовой, игнорируя восклицания, – я случайно встретил капитана – может, помнишь, когда нас на железную дорогу бросали в прошлом году?

– Здоровый такой! Командир пэпээсников; его, кажется, Васей звали.

– Во-во, – кивнул Борис. – Время у меня было, и мы зашли к нему в кабинет. Он меня еще квасом угощал.

– Боря, не отвлекайся, – посоветовал Чистяков. – Про квас ты мне потом расскажешь.

– Разговорились о делах, о работе. У него там на стене ориентировки с фотографиями и фотороботами висят, вот и про них поговорили. И он мне к слову рассказал интересную историю, которая тянулась у них несколько месяцев. Представляешь, знакомится девушка с парнем, точнее, молодым мужчиной лет тридцати. Все хорошо, шуры-муры, живет с ней как типичный альфонс со всеми признаками, видимыми со стороны, но не видимыми влюбленной дурочкой. А потом хлоп – и квартиру этой девушки обворовывают. Интересный момент: когда милиция начинает опрашивать соседей и искать свидетелей, то в силу первой своей версии показывают фотографию любовника. Со стопроцентной уверенностью все опознавали этого альфонса в том человеке, который появлялся в подъезде в то время, в которое примерно и произошло ограбление. А дальше, Игорек, еще интереснее:

у этого альфонса оказывалось железное алиби. Даже железобетонное. Он в этот момент был с хозяйкой квартиры. И тому были другие свидетели.

– Интересно, – согласился Чистяков. – Наверное, это инопланетянин. Или маг-чародей, который умеет создавать себе дублей. Помнишь, у Стругацких «Понедельник начинается в субботу»?

– Помню. Так вот, в Пятигорске таких случаев было три. Замначальника УВД до такой степени оказался в ступоре, что не нашел ничего лучшего, кроме как завести к себе в кабинет этого типа и объяснить ему все популярно. Короче, посоветовали парню (а он был иногородним) убраться из города в двадцать четыре часа, пока милиция не пошла на крайние меры в виде элементарной подставы. Допек он их. Самое интересное, что альфонс, как рассказывают милиционеры, и сам был в большом шоке. С одной стороны, мистика какая-то, а с другой – проблему все равно решать надо. А она связана с пребыванием в городе этого типа.

– Да никакой мистики, Боря, тут нет. Ею и не пахнет. А пахнет тут одной женской слабостью. Все ведь просто объясняется: она в него втрескивается по уши, а когда происходит ограбление, она его прощает, жалеет и забирает из милиции заявление.

– Маленькое уточнение, Игорек. Даже если потерпевшая заберет заявление, то факт совершения преступления останется все равно. Милиция обязана возбудить уголовное де-

ло. Так что если ты полагаешь, что преступник строил расчет на этом, то ошибаешься. Плюс другие свидетели его нахождения в момент совершения преступления в другом месте. Не катит твоя версия. Но кое в чем ты все же прав.

– Ни фиги себе – «кое в чем»! – возмутился Чистяков, не собираясь так просто сдаваться. – Да я во всем прав, и рассудит нас только время!

– А прав ты в другом, Игорек, – спокойно продолжил Мостовой. – Прав ты в том, что здесь все не так чисто, как кажется. Я это нутром чую. Что-то тут не просто и совсем не очевидно. Я, конечно, Оле счастья желаю. Кого бы она ни выбрала себе в спутники жизни, приму и соглашусь. Но тут что-то не так.

– Согласен, Боря, – Чистяков оживился и обрадовался тому, что расследование можно продолжать, продолжать докапываться до истины и что Боря ему теперь помощник. – Ольгу надо срочно спасать. Мы не знаем, от чего и кого, но должны это выяснить. Так ведь?

– Так, Игорек, так. Совершенно очевидно, что Оля попала под влияние своего ухажера, под какие-то чары. Есть такие люди, обладающие даром влияния на человека. И гипнозом не назовешь, а чем-то таким, что заставляет им верить, тянуться к ним.

– Решено, Боря, будем выводить этого типа на чистую воду. Но для начала нужно установить его личность и навести справки. Как минимум выяснив, что он женат, мы тут

же сможем убедить Ольгу порвать с ним. Да она и сама не захочет такого «счастья». Бесперспективного.

– Вот интересно, Игорь, – покачал головой Мостовой, – вроде бы ты и бабник...

– Я не бабник, я жизнелюб! – мгновенно отреагировал Чистяков.

– Вроде бы ты и бабник, – продолжил Мостовой, пропустив мимо ушей уточнение друга, – а баб знаешь плохо. Ты не представляешь, как они клюют на признание, что она самая лучшая, что такую он всю жизнь ждал, но вышла ошибка. Теперь он готов все бросить и остаться с ней, только ему нужно время, чтобы решить вопрос с недвижимостью, разводом, детьми и тысячью других дел. И затягиваются они на годы, Игорек. А эти глупышки, услышав, что они само совершенство и самые лучшие, клюют и ждут, тая в сладких мечтах. Это семнадцатилетняя на такой фортель, скорее всего, не клюнет, а когда тебе далеко за двадцать, то в это начинаешь верить. Как будто судьба сама уберегла от возможных браков, чтобы встретиться во всеоружии с этим принцем. И отдать ему всю нерастрченную любовь.

Мостовой говорил с таким необычным для него жаром, что Игорь даже удивился. Друга, обычно выдержанного и немногословного, как подменили. А ведь любит он ее, подумал в который уже раз Чистяков. Тихо так любит, ничего не предпринимает и непонятно чего ждет. А вот приперло, и загорелся мужик подвиги совершать ради любимой. Самое ин-

тересное, что спасет – и снова будет тихо и тайно любить-ся. Эх, Боря, женщины никогда первыми в любви не признаются. И жениться на них не предлагают. Иногда предлагают, но это уже когда беременность установлена точно.

– Ты зря так горячишься, Борь, – попытался охладить пыл друга Чистяков. – Я ведь с тобой согласен. В главном мы с тобой определились, так сказать, с направлением главного удара; теперь вперед, в атаку!

Ночь была пасмурной и ветреной. Несколько раз начинал моросить дождь, но переставал. Мостовой пытался прогнать накатывающую дремоту и таращился на черную блестящую от влаги ленту шоссе. Редкие огни встречных машин мелькали впереди, проносились, ослепляя фарами на узкой дороге, и исчезали где-то сзади, помаргивая красными огоньками задних фонарей.

Чистяков и Синицкая, сморенные непогодой и глубокой ночью, сопели рядом на сиденье, и этот сап убаюкивал еще больше, чем сырая темная и нудная ночь. Мостовой понял, что бороться со сном он уже не может. Нужно остановиться и посадить за руль Чистякова, иначе недалеко и до беды. Но до беды было гораздо ближе, чем спасатель предполагал.

В тот момент, когда Мостовой совсем уже собрался прижаться к обочине и разбудить Игоря, из-за поворота выскочила большая иномарка. Заливая все вокруг синевато-белым светом ксеноновых фар, машина вылетела чуть ли не в лоб

«Газели» спасателей и, пройдя впритирку к левому борту, с ревом исчезла. Мостовой выругался и машинально с ненавистью глянул в боковое зеркало заднего вида. И сделал он это вовремя.

Чистяков, услышав ругань друга, сладко пошевелился на сиденье и сонно промычал какой-то вопрос. В зеркале Мостовому было видно, как сзади встретились огнем фар две машины. Потом там, сзади, фары странно мелькнули и исчезли, как будто обе машины сразу же испарились. И только через секунду Мостовой понял, что не исчезли. Фары светили, но уже не вдоль дороги, а поперек. Красноватый отблеск открытого огня Борис осознал, когда уже машинально надавил на тормоз и крутнул руль, вводя машину в искусственный занос.

Чистякова и Синицкую бросило в правый передний угол кабины. Послышался визг и матерный возглас Чистякова.

– Подъем! Просыпайтесь! – заорал Мостовой, разворачивая «Газель» на узкой дороге и вдавливая педаль газа в пол.

– Боря? – недоуменно и одновременно возмущенно пропихнула Ольга, принимая, наконец, вертикальное положение и потирая ушибленный локоть.

Чистяков уже уставился вперед, вцепившись в приборную доску обеими руками. Он понял, что случилось, и пытался оценить ситуацию там, впереди.

– Этот урод шел нам навстречу, чуть зеркало мне не

снес, – начал рассказывать Мостовой. – А потом не разошелся с другой встречной.

– Лобовуха? – спросил Чистяков.

– Наверняка!

Разворот и путь до места аварии на пустынном шоссе занял не больше минуты или двух. В свете фар «Газели» было уже видно, что «Жигули» белого цвета от удара в район переднего левого крыла и переднюю дверку отлетели и, перевернувшись через крышу, встали на колеса. Иномарка удержалась на дороге, но ее пронесло после удара вперед, где она развернулась вокруг своей оси и замерла, съехав задними колесами в неглубокий кювет. Из-под ее разбитого и вздыбленного капота виднелись язычки пламени. Из пробитого радиатора парило.

Чистяков нажал кнопку громкой связи на рации и посмотрел на Мостового. Тот одобрительно кивнул.

– «Рязань» – «Семерке»! – крикнул Чистяков в микрофон, укрепленный на приборной доске.

– Слушаю, «Семерка», я «Рязань», – ответил вялый голос дежурного.

– На северо-восточном шоссе, между Орловским и Джубингой, ДТП с возгоранием. Мы на месте. Нужны помощь, пожарка и две «Скорых».

– Понял, «Семерка», я – «Рязань» – помощь, пожарка и две «Скорых», – уже деловым тоном ответил дежурный. – Парни, с горящей машиной там осторожнее. Не рискуйте

зря.

Когда Мостовой остановил «Газель» метрах в десяти от места крушения, спасатели зашевелились.

– Я за огнетушителем, – крикнул Чистяков, исчезая в темноте и открывая рывком дверь заднего отсека машины.

– Оля, глянь, что в «Жигулях», а мы этим займемся, – приказал Мостовой. – Если что – зови.

– Я справлюсь, Боря, не волнуйся, – ответила девушка, и от тона, каким она это сказала, внутри у Бори все замлело.

В свете фар на дороге появился Чистяков с двумя пятилитровыми огнетушителями.

– Игорь, нет! – крикнул Мостовой, проводив взглядом Синицкую с большой медицинской сумкой, которая исчезла из луча фар слева. – Надо капот сорвать, так не потушишь!

Чистяков понял. Он опустил на асфальт огнетушители и рванул назад к «Газели» за тросом. Всего и дел-то – крюком с тросом пробить крышку капота в иномарке, закрепить трос на бампере «Газели» и рвануть рывком назад. Иномарка тяжелая, «Газель» тяжелая – капот слетит, как фантик.

Пока Игорь разматывал трос, Мостовой выскочил из кабины, достал из заднего отсека и бросил на асфальт рядом с Чистяковым два блестящих серебристых пакета. Этой новинкой, которую в прошлый раз Мостовой привез из командировки, стали оснащать бригады спасателей. В пакете был свернут двухметровый кусок жаростойкой ткани. В случае необходимости, завернувшись в нее, можно преодолеть

почти сплошную стену огня. Из такой ткани изготавливали изолирующие костюмы пожарных.

Чистяков с размаху всадил стальной крюк в металл капота иномарки, а Борис попытался открыть хоть одну дверцу машины. Проклятая новомодная сигнализация напрочь блокировала двери, а огонь под капотом уже разгорался. Решение было одно – сорвать капот, потушить огонь, не дожидаясь, пока рванет бензобак, а потом уже смотреть, что там с людьми в машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.